

УДК 329.3:004.738.5
DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-11-181-186

СЕТЕВОЙ ПРИНЦИП В ОРГАНИЗАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННО-ВЕРБОВОЧНОЙ РАБОТЕ ИСЛАМИСТСКИХ ГРУППИРОВОК

Н.С. Таткало

Аннотация. Анализируется система функционирования современных исламистских группировок, обосновывается тезис о том, что они существуют по нелинейному принципу как в физическом, так и в виртуальном измерении. В качестве теоретического фрейма используется концепция ризомы, позволяющая в системном виде представить взаимосвязь между гибкой структурной организацией и управлением исламистских группировок, использованием ими виртуальных социальных сетей в вербовочной работе и необходимыми условиями для превращения радикальных месседжей в стимул к совершению насильственных действий потенциальными адептами. Доказательная база статьи выстраивается на анализе данных полевых исследований неправительственных организаций и отдельных экспертов, проведенных как на территории Кыргызстана, так и за рубежом с целью повысить аргументированность выдвигаемого в работе тезиса.

Ключевые слова: ризома; исламистские группировки; виртуальные социальные медиа; эхо-камера; идентичность; социальная несправедливость.

ИСЛАМЧЫЛ ТОПТОРДУ УЮШТУРУУ ЖАНА МААЛЫМАТТЫК-АЗГЫРЫП ЖАЛДОО ИШТЕРИНДЕ ТАРМАКТЫК ПРИНЦИП

Н.С. Таткало

Аннотация. Макалада заманбап исламчыл топтордун иштөө системасы талдоого алынып, алардын физикалык жана виртуалдык өлчөмдө сызыктуу эмес принцип боюнча бар экендиги жөнүндө тезис негизделет. Ризома концепциясы теориялык фрейм катары колдонулат, бул исламчыл топтордун ийкемдүү түзүмдүк уюму менен башкаруусунун, алардын виртуалдык социалдык тармактарды азгырып жалдоо иштеринде колдонуусун жана потенциалдуу адепттер тарабынан зордук-зомбулук аракеттерин жасоого стимул катары радикалдык билдирүүлөрдү өзгөртүү үчүн зарыл шарттардын ортосундагы өз ара байланышты системалуу түрдө көрсөтүүгө мүмкүндүк берет. Макаланын далилдик базасы эмгекте коюлган тезистин аргументациясын жогорулатуу максатында Кыргызстандын аймагында да, чет өлкөлөрдө да жүргүзүлгөн бейөкмөт уюмдардын жана айрым эксперттердин талаа изилдөөлөрүнүн маалыматтарынын талдоосуна негизделген.

Түйүндүү сөздөр: ризома; исламчыл топтор; виртуалдык социалдык медиа; эхо камерасы; бирдейлик; коомдук адилетсиздик.

NETWORK PRINCIPLE IN THE ORGANIZATION AND INFORMATION-RECRUITMENT WORK OF ISLAMIST GROUPS

N.S. Tatkalo

Abstract. The article analyses a system of functioning of modern Islamist groups, the key argument is that they exist in accordance with a non-linear principle both in the physical dimension and in the virtual one. The concept of a rhizome is used as a theoretical framework. It makes possible to present in a systematic form a correlation between flexible structural organization and management of Islamist groups, their use of virtual social networks in recruitment work, and the necessary conditions for converting radical

messages into an incentive for potential adherents to commit violent acts. The evidence base of the article is built on the analysis of data from field studies of non-governmental organizations and individual experts which they conducted both on the territory of Kyrgyzstan and abroad in order to facilitate the reliability of the argument put forward in the article.

Keywords: rhizome; Islamist groups; virtual social media; echo chamber; identity; social injustice.

Одним из опасных феноменов современных общественно-политических реалий выступает терроризм. Опасность состоит не только в чинимом террористами насилии в отношении мирных граждан, но и в том, что они умело оперируют идеями, которые оправдывают эти насильственные действия. При этом террористические группировки проявляют свойства встраивания в глобализационные процессы. Их действия не ограничиваются пределами отдельных национальных государств и приобретают транснациональный масштаб, предполагающий привлечение последователей по всему миру через трансформацию системы функционирования. В концептуальном отношении представляется, что наиболее приемлемой теоретической основой для анализа этих изменений выступает концепция ризомы, введенная в научный дискурс в рамках постструктуралистских исследований. Согласно французским философам Ж. Делезу и Ф. Гваттари, ризома является нецентрализованной, неиерархической системой без организующей памяти или центра, состоящей не из составных частей, а из измерений и направлений в движении, и не имеющей ни начала, ни конца, а только середину, от которой она растет и распространяется [1, с. 42]. Иными словами, ризома представляет собой сеть нелинейно связанных ячеек, что обуславливает ее резистентность к внешним воздействиям и возможным деструктивным изменениям в самих ячейках или связях между ними.

В настоящей статье на примере исламистских группировок обосновывается тезис о том, что они функционируют по принципу ризомы как в физическом, так и в виртуальном измерении, нацеленном на рекрутирование новых adeptов через виртуальные социальные медиа посредством девальвации традиционных систем ценностей и манипулирования вопросами справедливости и религиозной идентичности.

Физическое измерение террористической ризомы – «джихад без лидеров» с универсальной идеологией. В научный оборот понятие

«джихад без лидеров» ввел американский политолог М. Сейджмен. Он объясняет трансформацию структуры террористических группировок вопросами их выживаемости, которые предполагают необходимость: а) их организационной гибкости; б) их идеологической универсализации. Первое условие определяется отсутствием в них вертикальной системы управления и членства, при которой различные атомизированные ячейки могут самостоятельно выстраивать линию поведения, исходя из местных условий, а их члены – переходить из одной ячейки в другую, что предотвращает изоляцию той или иной группировки и ее физическое устранение, превращая ее в общность, общественное движение [2, с. 30]. Исследования стратегии работы ИГИЛ как одной из самых крупных исламистских группировок современности по выстраиванию взаимодействия с различными исламистскими группами могут свидетельствовать в пользу ее ризомной сущности. Так, вовлечение в свою общность новых ячеек осуществлялось идейными вдохновителями ИГИЛ на условиях возможности сохранения ими своих программных установок, структуры и состава, а также проведения вооруженного джихада на местах с целью установления всемирного халифата без каких-либо инструкций, исходящих из центра [3, с. 159].

Второе условие представляет собой ту скрепу, которая позволяет ризомной террористической группировке объединять различные ячейки и вербовать новых adeptов, не имеющих четких указаний и стратегий действий. Основные пункты идеологического корпуса ИГИЛ составляли следующие элементы. Во-первых, меседж о наднациональной религиозной идентичности в рамках глобальной мусульманской общины, члены которой исповедуют не искаженный национальными и культурными традициями ислам [4, с. 79]. Именно данная наднациональная религиозная идентичность позволяет исламистам апеллировать к идее глобального джихада при обращении к мусульманам в разных частях мира, где каждый может внести вклад

в деле построения всемирного халифата. При этом происходит универсализация и образа потенциального врага правоверных мусульман, против которого необходимо вести джихад – противодействие «ближнему врагу», олицетворяемому местным правительством, вносит вклад в борьбу с «дальним врагом» в лице любого правительства, которое несет угрозу глобальной умме, и наоборот. В результате, частым явлением стали ситуации, когда акт насилия совершается мигрантом в третьей стране, будучи завербованным в стране иммиграции. В качестве примера можно привести кейс уроженца Кыргызстана Бабура Исраилова, который, уехав в трудовую миграцию в Россию, впоследствии стал террористом-смертником, совершив в 2015 г. террористический акт в сирийской провинции Идлиб.

Во-вторых, лозунги и призывы исламистов носят антисветский характер. Транслируется дискурс альтернативной демократической исламской глобализации, при которой не будет противоречащего шариату доминирования человека над человеком, а будет установлено эгалитарное, справедливое общество [2, с. 36]. Как следствие, практически любое правительство рассматривается в контексте угрозы глобальной умме: а) светская система государственного управления априори противоречит справедливой системе государственного устройства халифата; б) теократическое исламское государство может поддерживать связи с несправедливым светским государством либо транслировать неверную исламскую доктрину. Соответственно, это обуславливает невозможность выстраивания диалога с исламистскими группировками как на государственном, так и на социальном уровне. Применяя терминологию постструктуралистов, ризома исламистских группировок формируется как антипод светским иерархичным системам и разрастается, приобретая транснациональный характер в силу абсолютизации наднациональной религиозной идентичности и универсализации потенциальных угроз, что позволяет adeptам этих идей переходить из одной структуры в другую без ущерба для всей ризомной общности.

Виртуальное измерение – эхо-камеры виртуальных сетей как инструменты трансляции универсальной идеологии. Ввиду

универсального характера исламистских лозунгов, механизмы их донесения должны иметь индивидуальную нацеленность. В настоящее время веб-сайты перестали играть ведущую роль в информационной деятельности исламистов. На передовые позиции вышли виртуальные социальные медиа. Так, использование данных Интернет-механизмов позволило ИГИЛ, согласно разведанным США, привлечь в свои ряды не менее трети из 30 тыс. человек, граждан 115 стран мира, приехавших в Сирию для участия в начавшемся гражданском противостоянии. При этом большинство из них приняли решение воевать на стороне ИГИЛ после просмотра видеороликов или дискуссий в группах социальных сетей [5].

Эффективность данных виртуальных сетей обусловлена следующими факторами. Во-первых, они, позволяя пользователям самостоятельно определять круг общения, вовлекают их в так называемые эхо-камеры, когда искомая пользователями виртуальных социальных медиа информация фильтруется встроенными в них алгоритмами таким образом, что они получают доступ к тем источникам, которые отражают аргументы и взгляды, с которыми они уже согласны [6, с. 141–142]. При этом привлекательной для исламистов характеристикой виртуальных социальных медиа является тот факт, что на психологическом уровне они актуализируют вызывающие доверие родственные, земляческие связи, усиливая эффект эхо-камер в аспекте убеждения потенциальных новых adeptов вступить в ряды радикальных группировок. В частности, большинство граждан центрально-азиатских государств, были завербованы в ряды исламистских группировок не через иностранных миссионеров, а через своих знакомых или родственников, которые включали их в группы в социальных сетях «Одноклассники» и «WhatsApp», где циркулировали ролики с призывами к насильственным действиям с видеохостинга «YouTube» [7]. В свою очередь, в силу того, что развиваемые исламистами утопические концепции справедливого, высокоморального исламского государства – халифата упрощаются и формулируются в виде лозунгов и призывов, они быстро вызывают спонтанное желание передать полученную

информацию максимально большому количеству друзей и знакомых, используя доступные социальные медиа.

Как следствие, отвергаются альтернативные точки зрения, транслируемые традиционными средствами информации (радио, телевидение, газеты), классифицируемыми в качестве коррумпированных и ненадежных. Происходит манипулирование правдой путем абсолютизации одного набора аргументов при дискредитации других объяснений действительности. Более того, критика и осуждение исламистов в традиционных СМИ зачастую вместо того, чтобы предотвратить вербовку новых adeptов, наоборот, стимулируют первоначальный интерес у своей аудитории к поиску дополнительной информации о них, для чего, как правило, используются виртуальные социальные сети.

Во-вторых, виртуальные сети позволяют транслировать исламистский дискурс рандомным образом, без продуманной стратегии пропаганды [8], учитывая только особенности той или иной интернет-платформы, имеющей свой предпочтительный формат размещения информации (пропорциональность видео, графики и текста) и опираясь на две техники психологического воздействия на целевую аудиторию: «голливудская картинка» и «моральное негодование» [7]. Первая предполагает героизацию людей, совершающих террористические акты, и нацелена на личности, находящиеся в процессе поиска идентичности, самореализации и готовые на аналогичные действия для самоутверждения. Срабатывает эффект подражания, основанный на «военном романтизме» молодых людей, который проявляется в поиске ими приключений, стремлении совершить благородный поступок, защитить невинных, начать новую жизнь в создаваемом, зачастую по непонятному сценарию, новом государстве. Вторая основана на манипулировании: а) либо изображениями мусульман в негативном аспекте (как пример – карикатуры в журнале *Charlie Hebdo*), б) либо чинимой несправедливостью в отношении мусульман в качестве убеждающих аргументов необходимости вступления религиозных людей в исламистские группировки для борьбы с «неверными». В результате, транслируется не только информация,

но и эмоциональный настрой, что в последующем ведет к формированию у потенциальных adeptов эффекта присутствия, когда они ощущают необходимость оказать помощь братьям по вере в восстановлении справедливого социального порядка [9, с. 103].

В-третьих, социальные медиа, превращая каждого пользователя в источник информации, обесценивают фактор религиозного образования. Это рельефно прослеживается в сравнении информационной пропаганды Аль-Каеды и ИГИЛ. Если первая делала акцент на трансляции раз в несколько месяцев выступлений своих лидеров, то ИГИЛ был сфокусирован на героизации своих последователей, выступающих главными действующими лицами множества хорошо инсценированных эмоциональных видеороликов [5]. Это обуславливает ситуацию, при которой «глобальными исламистскими террористами» становятся люди, не имеющие религиозного образования. В частности, согласно результатам исследования Сейджмена стенографий допросов задержанных террористов, лишь четвертая часть из них были глубоко верующими людьми, в то время как большинство составляли люди с ограниченными религиозными познаниями, полученными в ходе самообразования [2, с. 51].

Условия разрастания исламистской риторики – кризис идентичности и социальная несправедливость. Насильственные действия, совершаемые adeptами исламистских группировок, не являются результатом исключительно их знакомства с радикальными религиозными догмами. Как подчеркивает французский исламовед О. Руа, проводивший исследования причин радикализации второго поколения мигрантов во Франции, исламистские идеи в этом контексте играют роль инструмента мобилизации и идеологического обоснования насильственных действий, а не их причин, что, в свою очередь, обуславливает, по его мнению, важность изменения терминологии – использование понятия исламизация радикализма вместо радикального ислама [10, с. 5]. На примере французских реалий, он доказывает тот факт, что связку между идеей и действием создает не только кризис идентичности молодых людей – мигрантов во

втором поколении во Франции в условиях потери ими связи с культурными традициями своей страны, но и невозможностью полной их адаптации к новой культурной конъюнктуре [10, с. 7]. Как следствие, отмеченная выше наднациональная религиозная идентичность, в терминологии О. Руа – «декультурация ислама», выступает для них той нишей, где они могут найти себя. В свою очередь, факт того, что транслируемая исламистами идея построения фантомного всемирного халифата не предполагает компромисса и переговоров, и единственным механизмом поиска себя находящимися в состоянии фрустрации молодыми людьми выступает насилие как в отношении себя, так и других, пропагандируемое в виртуальном измерении исламистской ризомы.

Важность идентификационной составляющей подчеркивают также и исследователи действий исламистских группировок в Центральной Азии. В частности, согласно данным исследования «Почему мы пошли воевать и почему вернулись. Радикализация и дерадикализация: изучение опыта иностранных боевиков-террористов» исламисты из группировок Джебхат ан-Нусра и ИГИЛ использовали религиозную принадлежность при вербовке новобранцев на территории Кыргызстана в качестве главного идентификационного базиса как для создания внутригрупповых связей, так и для обоснования для них необходимости насилия на основе манипулирования культурной религиозностью на фоне религиозной неграмотности, низкого уровня полученного светского образования и как следствие отсутствия критического мышления у большинства из них [7].

Второй причиной, обуславливающей разрастание ризомы исламистов, выступает атмосфера несправедливости, проявляющаяся в росте социальной поляризации, в беззаконии и неопределенности, в размытых границах между тем, что дозволено, а что запрещено. Факторы несправедливости и неравенства на местном, национальном и международном уровнях, которые невозможно разрешить никаким иным способом, кроме насилия, или которые не были разрешены конструктивным образом в рамках существующих государственных институтов и нормативно-правовых систем, создают основания для

социального недовольства и активно артикулируются в месседжах исламистских группировок. Как правило, несправедливость выкристаллизовывается по линии распределения ресурсов и контроля над ними [11]. Отсюда факт того, что процесс вербовки граждан центральноазиатских республик активно ведется на территории стран, где они находятся в трудовой миграции [7] и испытывают трудности в вопросе культурной адаптации и сложности социально-экономического характера.

Важно отметить, что две эти причины могут переплетаться в вопросе религиозной объективации, когда с помощью укоренившихся социальных стереотипов о правильном или допустимом внешнем облике мусульман выстраиваются упрощенные суждения относительно религиозных воззрений последних, которые зачастую противоречат действительному положению дел и создают линии напряженности в обществе. В результате, будучи подвергнутыми обструкции в своей стране из-за своего внешнего вида, созданного ввиду искренних, не предполагающих обращения к радикальным идеям попыток найти свою идентичность, люди попадают под влияние исламистов, которые, оперируя наднациональным типом религиозности, указывают на несправедливость социально-политического устройства их государств и призывают к борьбе с ней насильственными методами [12, с. 74]. Следовательно, сама по себе религиозность не является условием для радикализации человека и совершения им насильственных действий. Однако она выступает инструментом в руках исламистов для мобилизации последователей, которые испытывают психологические проблемы, связанные с идентификацией, и которые оказались в сложной жизненной ситуации, связанной с несправедливостью по отношению к ним в этом вопросе.

Таким образом, исламистские группировки в целях обеспечения своей выживаемости функционируют на основе принципа ризомы как в физическом измерении на уровне сетевой структурной организации, позволяющей их adeptам переходить из одной ячейки в другую и самостоятельно определять линию поведения, не разрушая при этом всей системы ввиду

разделяемой наднациональной религиозной идентичности, так и в виртуальном измерении, сформированном социальными сетями, создающими эхо-камеры, ограничивающими критическое восприятие действительности. При этом разрастание ризомных исламистских организаций происходит на основе артикуляции ими психологических и социальных проблемам, с которыми сталкиваются их потенциальные адепты, и выдвижения единственно возможного решения – насильственные действия, подчиненные цели построения утопичного всемирного халифата якобы во благо глобальной уммы.

Поступила: 04.07.22; рецензирована: 22.07.22;
принята: 29.07.22.

Литература

1. *Deleuze G. A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia* / G. Deleuze, F. Guattari. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005.
2. *Sageman M. Leaderless Jihad. Terror Networks in the Twenty-First Century* / M. Sageman. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2008.
3. *Гладченко Л.В. Чёрный интернационал ИГИЛ: грядущий распад или перегруппировка сил?* / Л.В. Гладченко // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 2.
4. *Беспалов С.В. Транснациональный исламистский терроризм – глобальная проблема* / С.В. Беспалов // *PolitBook*. 2012. № 3.
5. *Miller G. Inside the surreal world of the Islamic State's propaganda machine* / G. Miller, S. Mekhennet // *The Washington Post*. November. 2015. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/inside-the-islamic-states-propaganda-machine/2015/11/20/051e997a-8ce6-11e5-acff-673ae92ddd2b_story.html?utm_term=.ddc592d6c5 (дата обращения: 30.06.2022).
6. *Thi Nguyen C. Echo Chambers and Epistemic Bubbles* / C. Thi Nguyen // *Episteme*. 2018. Vol. 17. № 2.
7. *Why We Went to Fight and Why We Returned. Radicalisation and Deradicalisation – Learning from Foreign Terrorist Fighters* // Research Center for Religious Studies of Kyrgyzstan at the Kyrgyz-Russian Slavic University. URL: <https://www.rcrskg.org/post/why-we-went-to-fight-and-why-we-returned-10> (дата обращения: 10.07.2022).
8. *Radicalism Online: An Analysis of the Meaning, Ideas, and Values of Violent Extremism in Central Asia* // Research Center for Religious Studies of Kyrgyzstan at the Kyrgyz-Russian Slavic University. URL: <https://www.rcrskg.org/post/radru> (дата обращения: 10.07.2022).
9. *Сейитбаев С.Н. Предупреждение религиозного экстремизма в сети Интернет* / С.Н. Сейитбаев // *Вестник КPCY*. 2019. Т. 19. № 11.
10. *Roy O. Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State* / O. Roy. New York: Oxford University Press, 2017.
11. *Tucker N. Terrorism without a God: Reconsidering Radicalization and Counter-Radicalization Models in Central Asia* / N. Tucker // *CAP papers*. 2019. № 225. URL: <https://centralasiaprogram.org/terrorism-god-reconsidering-radicalization-counter-radicalization-models-central-asia> (дата обращения: 10.07.2022).
12. *Tucker N. The Long Road to Plural Societies and Secular States: The Painful Lessons of History for Preventing Religious Violence and Countering Extremist Recruiting* / N. Tucker // *Сборник докладов межд. конф. «Ислам в современном светском государстве»*. Бишкек, 2017.